Алексей Кузьмищев

Яблочный Спас

Алексей Кузьмищев

Яблочный Спас

«Автор»
2026

Кузьмищев А. А.

Яблочный Спас / А. А. Кузьмищев — «Автор», 2026

«Яблочный Спас» — горько-сладкая история возвращения. О том, как слова из детства работают даже спустя тридцать лет. И как, чтобы оттаять, иногда достаточно просто приехать домой.

© Кузьмищев А. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог: Сердцевина 6
АКТ I: Лёд 9
Глава первая: Протокол «Пустота» 10
Глава вторая: Сбой в системе 15
Глава третья: Поезд в никуда 18
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Алексей Кузьмищев
Яблочный Спас

Пролог: Сердцевина

В тени под старой яблоней было прохладно и тихо. Густо пахло влажной землёй, горькой полынью и медово-яблочным ароматом налившихся к празднику спасовок.

Стояло тихое августовское утро. Лишь стрекотание кузнечиков слышалось из разных углов сада, и тишина от этого становилась только глубже.

Витя сидел на корточках, зарыв пальцы босых ног в рыхлую прохладу земли. Он смотрел вверх, заворожённо наблюдая, как лучи солнца пробивались сквозь густую крону. Они подсвечивали крупные, налившиеся соком плоды. Жёлтые с красным боком яблоки низко висели над головой, дразня.

Сейчас из дома выйдет бабушка, они начнут сбор. И он, как настоящий мужчина, будет таскать тяжёлые вёдра на кухню или в прохладу подвала. И скоро дом пропитается густым запахом яблочного варенья, а на кухне появятся большие банки с компотом.

И пастилой. Плотной, слегка прилипающей к губам и оставляющей мягкое послевкусие ушедшего лета. Зимними вечерами он будет украдкой брать из большой банки любимые нарезанные рулетиками кусочки пастилы. Витя уже предвкушал её плотный, чуть тягучий вкус с пряным ароматом корицы.

А сейчас…

Витя встал, потянулся и протянул руку к румяному яблоку, висевшему над головой.

— Витюша, — донеслось с крыльца.

Опустил руку. Он уважал бабушкины просьбы и, как обещал, не будет есть яблоки до завтра.

Бабушка вышла из дома, вытирая руки о край фартука. Яркие красные маки, вышитые её заботливой рукой на кармане фартука, сразу притягивали взгляд. Они горели ярким красным пятном на солнце.

— Молодец, уже и вёдра принёс, — она потрепала по шевелюре подбежавшего внука. — Только не ешь их. До Яблочного Спаса нельзя.

— А потом можно? — его глаза озорно блеснули.

— Потом можно, — кивнула бабушка. — Только мой их, чтобы аж блестели. И до отвала сразу не наедайся.

Витя принялся собирать яблоки в ведро. Самые крупные и красивые плоды он складывал на расстеленное на траве полотенце. Он знал: завтра бабушка с ними пойдёт в церковь, чтобы освятить.

— Витюша, только зелёные не рви, — сказала она с лёгким беспокойством.

— А как я их отличу? Их же есть нельзя, — спросил Витя, сгорбившись под тяжестью полного ведра.

— Зрелое само в руку падает. — Бабушка высыпала из фартука яблоки в ведро и задумчиво посмотрела на Витю.

— Иди-ка сюда, помощник. — Сорвала с ветки два яблока и подозвала его. — В жизни надо душой чувствовать.

Он подбежал к ней и она протянула их ему.

— Какое из них ты выберешь?

Витя посмотрел. В левой руке лежало крупное с ярким красным боком. В правой же — зеленоватое и с пятнышком от градины на боку, чуть кривобокое. Для него выбор казался простым и очевидным. Большое лучше маленького, круглое — кривого, а красное — зелёного.

— Это! Оно красивое, — улыбнулся он щербатой улыбкой и посмотрел ей в лицо. — И большое.

Бабушка улыбнулась и, порывшись в кармане фартука, извлекла оттуда дедушкин складной нож с потёртой деревянной ручкой. Старое лезвие, сточенное до вогнутости, легко вошло в мякоть. Половинки яблока разошлись в стороны.

— Ой, — вырвалось у него невольно, и он сделал шаг назад.

Рыхлую мякоть пересекала извилистая дорожка червоточины. А сердцевина яблока была наполнена паутиной и чёрной крошкой.

— Червивое. Фу.

— Ну-ка, давай глянем на другое. — Она откинула это яблоко в ведро с негодными плодами и взяла в руки второе.

Хрум… Лезвие вошло в него с хрустом. Сок брызнул на палец бабушки. Та вытерла руку о фартук и протянула плод Вите.

Он раскрыл половинки. Внутри была белая ароматная мякоть — плотная, чуть зернистая, с выступившими капельками сока. Она стала тут же темнеть от воздуха. Витя вопросительно посмотрел на бабушку.

— Можно, — улыбнувшись, она.

— Вкусно, — закивнул он. Язык коснулся среза, рот сразу наполнился слюной, чувствуя кисловатую сладость.

Бабушка не стала ничего объяснять. Они снова тихо продолжили сбор. Он с беспокойством заметил, что она отвлеклась, глядя куда-то вдаль.

Запах полыни стал настолько сильным, что перебил аромат яблок. Витя знал и боялся этого молчания. Это молчание обещало долгие бабушкины слёзы до глубокой ночи, холодный безвкусный ужин в одиночестве, которого он так страшился.

— Эту яблоню, — сказала она тихо, срывая яблоки с ветки, — привёз и посадил твой дед, когда в санатории старые раны лечил. Саженец подарил ему старый друг, и сорт красивый — Яблочный Спас называется. Яблонька долго сидела, болела, не хотела расти. Соседи говорили ему: «Сруби, она кривая, бесполезная, только место занимает. Посади что-нибудь полезное».

Витя собирал спелые плоды молча, насупившись. Он боялся, что ещё немного и бабушка расплачется. И такой хороший день будет испорчен слезами.

— Он отмахивался и не слушал их. А в тот год, когда деда не стало, ударили сильные заморозки. Много деревьев в округе погибло. А эта, — она кивнула на высокий корявый ствол над их головами, — выстояла. И дала столько яблок, сколько мы со всего сада никогда не собирали. Всю зиму ели, даже соседям раздавали.

Витя подошёл к ней и обнял, желая хоть как-то успокоить. Она прижала его голову к себе — руками морщинистыми, в мелких трещинках, с въевшейся в кожу землёй.

— Слышишь? — спросила она.

Витя молча кивнул, хотя не понимал, что именно он должен сейчас услышать.

— Слушай сердце, внучек, — тихо сказала бабушка сквозь проступившие слёзы. — Оно всегда видит суть вещей.

В тишине раздался негромкий звон колоколов. Бабушка всхлипнула, тут же сжала губы и взяла себя в руки.

— Даже если глаза не увидят, где червоточина завелась, а оно почует, подскажет, — она улыбнулась, приходя в себя. — Надо поспешить. Заутренняя закончилась, скоро солнце начнёт припекать. А спасовки надо с веток собрать — на земле яблоки быстро портятся.

Они постояли ещё чуть-чуть, обнявшись.

— Беги. А то вёдра полные стоят. Нельзя, чтобы яблоки на жаре стояли, — бабушка расправила фартук, одёрнула платок и резко нагнулась к ведру. — Ну, будет. Хватит, работа не ждёт.

Витя подхватил тяжёлое ведро обеими руками и понёс его в прохладу дома, пыхтя. На полпути несколько яблок выпали из ведра. Он быстро подхватил их с земли и обернулся, опасаясь неодобрительного взгляда.

Но бабушка просто смотрела на него с лёгкой улыбкой. А потом вытерла краешек глаза кончиком головного платка, стала собирать яблоки. Он увидел, как тени от веток вместе с солнечными бликами сплелись в причудливую мозаику и плясали на её лице. И игра света на миг превратила её в ту молодую красавицу со старых коричневых фотографий.

Он поспешил дальше, сгибаясь под тяжестью ведра, уже позабыв о сердце и червоточине. Он думал о пастиле и о той горе яблок, которыми наестся до отвала завтра. Витя покосился на крупное яблоко, лежащее сверху — его он обязательно отложит, чтобы съесть первым.

В голове чехардой скакали мысли об оставшихся двух неделях каникул, о вкусе яблок, которыми наестся завтра, и о пастиле, куда бабушка добавляла немного корицы для аромата.

— Интересно, а пастила будет такой же тягучей? Надо не пересушить её на сушке…

Слова же бабушки выветрились из головы и забылись…

АКТ I: Лёд

«Там самый плач им плакать не даёт,
И боль, прорвать не в силах покрывала,
К сугубой муке снова внутрь идёт;
Затем что слёзы с самого начала,
В подбровной накопляясь глубине,
Твердеют, как хрустальные забрала».

— Данте Алигьери, «Божественная комедия». Ад, песнь XXXIII, строки 94—99. Перевод М. Лозинского.

Глава первая: Протокол «Пустота»

… но вот тело запомнило.

Он открыл глаза, словно и не спал. Что-то было не так, во рту стоял знакомый кисло-сладкий яблочный вкус из детства. Нос уловил аромат корицы в стерильном кондиционированном воздухе его небольшой квартиры.

Виктор посмотрел на часы. На экране мерцали зелёным цветом цифры 5:57. Он привычно проснулся за три минуты до будильника.

Утро шло как обычно. Как и все эти одинокие годы, выстроившиеся в ровную линию. Но этот сон… Яркий. Он закрыл глаза, вспоминая, когда в последний раз видел сны, и неожиданно вновь ощутил яблочный вкус на языке.

Будто только что откусил сочный кусочек.

Он задержал этот вкус во рту, осторожно перекатывая ощущение кончиком языка, не проглатывая. Казалось, стоит удержать это забытое ощущение, и неумолимый бег времени остановится.

Под боком зашевелился тёплый мягкий комок, напомнив о наступившем будничном дне. Он открыл глаза. Кот Барсик, потянувшись, вытянул к нему передние лапы, выпуская когти. Его широкий беззвучный зевок намекал красноречивее любого требовательного мяуканья, о том, что необходимо покормить питомца.

Беззвучно. Только тепло и требование.

Виктор встал с кровати. Кот мягко соскочил с следом и принялся интенсивно тереться о его ногу, пока мужчина заправлял кровать.

Всё шло как утренний ритуал. Он провёл рукой, расправляя складки на туго натянутой простыне. Это был важный элемент его жизни, он менял её каждое воскресенье и сам гладил утюгом. Ощущение скользящего по широкой ткани утюга успокаивало его. А разглаживаемые складки давали чувство контроля. Так же он хорошо знал, что ночёвка на диване — это первый шаг к деградации.

Провёл рукой по ткани. Простыня натянута как барабан. Как кожа на скулах.

Он взял пульт кондиционера с почти пустого журнального столика и переключил его на проветривание. Положил пульт обратно на стопку свежих медицинских журналов, направился к окну.

Свежий прохладный воздух майского утра ворвался в комнату, заколыхал открытые шторы.

Несколько минут утренней зарядки под струёй прохладного воздуха. Отработанные упражнения на пресс, отжимания, прыжки разогнали последние остатки ночных сновидений. И Виктор уже шёл в ванную в тишине, прерываемой лишь редкими звуками из распахнутого окна.

Его квартира была похожа на привычную ему операционную перед операцией. Белые стены с потолком. Пустые подоконники, лишь необходимый для выживания набор предметов и мебели. Цветы, украшения, безделушки на полках давали лишний повод задержаться пыли в стерильной чистоте его квартиры.

Здесь не было ничего лишнего. Даже за что можно было зацепиться взглядом.

Босые ноги коснулись тёплого, подогретого автоматикой пола ванной. Запрограммированная система включалась утром и к шести утра полы не обжигали холодным кафелем, а встречали комфортным теплом.

Ровно двадцать два градуса.

Дальше всё было выверено до последнего движения. Трёхминутный контрастный душ, зубы — щётка средней жёсткости, бритьё — пятилезвийный станок.

И вот из зеркала на него смотрел мужчина сорока лет с гладким неулыбчивым лицом. Правильные симметричные черты, ни морщин, ни мешков под глазами. Хорошая генетика, правильное питание, полное отсутствие вредных привычек. Он почти выглядел моложе лет на десять, если бы не глаза и отсутствие улыбки.

Когда же он улыбался весело и искренне в последний раз? Как когда-то давно, а не по дежурному рабочему этикету?

Он не вспомнил.

Он простоял у зеркала в ступоре полминуты и очнулся. Утреннее время было строго расписано по минутам, и нельзя было терять его на бесплотные воспоминания. И вопрос исчез, словно камушек, упавший в пустоту колодца.

Кнопка кофемашины нажата привычным движением руки. Через несколько минут в чашку польётся заранее запрограммированный кофе — арабика, средний помол, девяносто два градуса, двести миллилитров.

Две минуты на приготовление тостов. Виктор проверяет автокормушку кота, всё в порядке: корм есть, вода заменена — фильтрованная со сниженной жёсткостью, камни в почках — частая проблема домашних кошек.

Он помнит всё. Даже то, что стоило забыть. Он взял в руку белую без всякого рисунка чашку с горячим кофе, сделал глоток и откусил тост.

Мокро. Ноге мокро.

Он взглянул вниз, Барсик успел разбрызгать воду из автопоилки. Нагнулся и вытер пол. Носки придётся заменить.

Посмотрел на впившегося в еду кота, он был единственным допущением нарушений правил в квартире. Рыжий кот Барсик — ему дозволялось многое. Пять лет назад он выбрал в приюте самый голодный, отчаявшийся комок рыжей шерсти с белыми носочками.

И теперь этот прилично прибавивший в весе и солидности рыжик упрямо ложился ему каждый вечер на грудь. Он всегда громко мурчал, массируя её лапами, не давая замёрзнуть сердцу окончательно.

Кофе, тосты, входная дверь. Работа.

Личный кабинет привычно пахнет холодом, антисептиком и едва уловимым запахом, въедающимся в стены любой больницы — людских трагедий. Этот запах был так же привычен для него, как запах дома.

Виктор потянулся на стуле, взяв план операций на день. Все плановые, срочных с неотложными тут не было, ночь прошла спокойно. Он сидел и перебирал папки с историями болезни, осматривая рентгеновские снимки, чтобы освежить в памяти детали к сегодняшним операциям.

Неожиданно из рабочего настроя его выбил резкий звонок телефона. Виктор скосил глаза, и его челюсти непроизвольно сжались. На экране светилось «Марина Б».

— Да, — ответил он холодно, привычный ледяной панцирь сковал его сердце.

— Витя, привет, — из трубки донёсся знакомый мягкий, почти заботливый голос бывшей жены. Ледяная броня звякнула хрусталём, она всегда так начинала. — Я по поводу выходных. Катя не сможет к тебе приехать. У неё молодёжный экономический форум в Подмосковье на целых две недели. Ей скоро надо выбирать, где учиться, и это очень престижное мероприятие, это важно для её портфолио.

— А… — Виктор попробовал вставить слово.

Для него бывшая жена словно ампутированная конечность, которой уже давно не было, но она всегда могла напомнить о себе фантомной болью. И боль не пришла извне. Она жила внутри. Просто ждала, когда её позовут.

Его палец ритмично постукивал по краю рентгеновского снимка, на котором белую кость, словно молния, пересекала трещина перелома.

— И потом у неё тоже не получится, — голос лился из трубки, словно горный поток, разбивающий ещё невысказанные им аргументы. — Мы едем к морю. Катя очень этого ждала, ей надо отдохнуть хорошенько перед выпускным классом. И ты же помнишь, как она любит море.

— А когда… — Виктор закрыл папку с историей болезни и открыл другую.

— Виктор, давай честно, — тон в трубке стал нарочито слащаво-мягким, будто разговор шёл с неразумным ребёнком. — У Кати сейчас сложный период. Шестнадцать лет. Переходный возраст, выпускной класс. У неё постоянно олимпиады и репетиторы, и много того, что ты не сможешь понять. Ты эти встречи вырвал с кровью через суд, заставил пройти всех через этот цирк…

Виктор посмотрел на рентгеновский снимок, на нём сквозь белую ткань кости извилисто вилась трещина перелома.

Мысль пришла неожиданно и ниоткуда: «Словно червоточина в яблоке, испортившая весь вкус».

Откуда это пришло? Из того забытого дня и той тени под яблоней.

— Ты не видел, как Катя плакала. Над ней в школе смеялись из-за устроенных тобой слушаний. — В трубке повисла тишина. Яд неспешно впитался в его душу.

Он не перебивал. Слушал, как слушают давно вынесенный приговор.

— Она уже почти называет Вадима папой. И это правильно, чтобы ты себе не думал. Он рядом каждый день. Оплачивает репетиторов, возит на занятия. А ты всегда где-то далеко, всегда занят. Даже когда мы были вместе, ты и в мыслях не вылезал из своей операционной.

— Марина, — произнёс он бесцветно, осторожно подбирая слова. — Ведь Катя моя дочь.

— А я её мать, — голос в трубке резко отрезал. Напускная мягкость бывшей жены испарилась без остатка. — И мне лучше знать, что ей нужно. И тратить её драгоценное время на человека, неспособного сохранить семью, я не позволю. Человека, который променял семью на работу и глупые принципы, она должна считать неудачником. Ты думаешь, она всё такая же маленькая и доверчивая? А она видит, какой ты холодный, отстранённый? Она почти взрослая, ей шестнадцать, Витя, она всё понимает.

Повисла напряжённая тишина. Он отчётливо слышал в трубке её победное дыхание. Она ждала, когда он сломается или сорвётся. Но он молчал, и продолжал держать форму в своём ледяном доспехе. Хотя под ним и кровоточило.

— Марина…

— Я не хочу с тобой ругаться, — в голосе вновь появилась снисходительная мягкость. — Но давай будем реалистами. Катя скоро сама не захочет с тобой видеться. Зачем ей отец, с которым нужно встречаться по графику суда? У неё теперь есть настоящая семья.

Виктор закрыл глаза. Перед ним снова мелькнуло лицо восьмилетней Кати, которая громко плакала на суде, не понимая, почему папа больше не будет жить с ними.

Он провалился глубже в воспоминания. Вот он пытается успокоить и успокоиться — трёхлетняя Катя плачет, спрашивая, где мама. А он не знает, что ответить ей, да и себе тоже. Он молча гладит её по спине, стараясь успокоить. В руке зажата записка с красивым почерком Марины о том, что она устала и уходит.

— Ты вспомнила Катины слёзы. Я тоже их хорошо помню, когда ты ушла в первый раз, оставив её у меня, — ледяным тоном произнёс он.

В трубке повисла новая тишина. Тяжёлая и напряжённая.

— Извини, сейчас операция начинается, — резко оборвал разговор Виктор. Он знал, что сейчас она прыгнет. — До свидания.

Он не дал ей прыгнуть. Он просто вышел из зоны поражения. Тут же завершил разговор и, подумав немного, перевёл телефон в авиарежим. Выдохнул и положил его сверху рентгеновского снимка. Прямо на червоточину перелома.

Голова была ясна, а руки абсолютно спокойны. Где-то глубоко кольнуло. И тут же замёрзло.

Закрыл глаза. Сделал вдох… выдох. Медленно считал про себя.

Раз, два, три…

Пальцы разжались, отпуская край снимка.

Четыре, пять, шесть…

Сердце билось ровно.

— Всё в порядке, — тихо и чётко проговорил он, мысленно пробежавшись по чек-листу. — Я здоров. У меня приличная и хорошо оплачиваемая работа. Я плачу налоги, алименты… вовремя. Я выплатил ипотеку, не скитаюсь по съёмным углам после развода. Я не пью, не курю и сейчас у меня плановая операция.

Слова лились как мантра.

— Всё идёт по плану, — тихо он ответил себе.

Виктор снова был готов войти в операционную.

***

Через час Виктор стоял над операционным столом, он успокоился после тяжёлого разговора. Знакомый холодный запах антисептика и ровный белый свет почти рефлекторно настраивали на рабочий лад, оставляя все мысли, кроме рабочих, за дверьми операционной.

Здесь было и сложно — решалось, будет ли жить человек. Здесь было и проще — всё чётко подчинено регламенту.

Разрез, зажим, шов — чётко, точно и аккуратно.

Здесь он не видел людей. Ассистенты были функцией и продолжением его воли. Исполнители коротких и чётких команд. Руки двигались автоматически — точно, экономно, без лишних движений. Он был полностью сконцентрирован на месте разреза, где всё должно подчиняться логике, и случайности недопустимы.

— Разрез, — скомандовал он.

Тут он краем глаза уловил опасность — скальпель в руках неопытного интерна дрогнул и пошёл не по той траектории, грозя задеть артерию. Это могло стоить пациенту жизни. Поднял взгляд, посмотрев, как побелело лицо юноши и ужас застыл в его глазах.

В операционной повисла тишина. И только ровный ритм монитора отщёлкивал пик, пик, пик.

Интерн замер, забыв выдохнуть, рука замерла в неудобном положении, не шевелясь. Виктор молча положил свою руку на его и осторожно взял из неё скальпель. Парень выдохнул и, отпустив скальпель из сведённой судорогой ладони, отступил на шаг назад.

Виктор поправил траекторию, завершил разрез и положил инструмент в лоток. Скальпель лязгнул металлом о металл, дав сигнал, что можно снова дышать.

Интерн замер, поняв свою ошибку. Он ожидал, что сейчас произойдёт взрыв, и старший хирург, наорав на него, выгонит из операционной. И единственно к чему его допустят после такого, это заполнение бумаг и отчётов. Но Виктор, даже не взглянув на него, вернулся к работе.

Когда пациента переложили на каталку и шум операционной стих, интерн, со всё ещё дрожащими руками сделал к нему шаг:

— Виктор Сергеевич, спасибо… что не выгнали.

Виктор остановился и посмотрел на него, точно увидев его первый раз сегодня. От этого цепкого взгляда парня будто окатило холодной водой. Он съёжился и сбился с мысли.

— Руки научись контролировать, — сухо бросил ему врач. — И эмоции тоже. В следующий раз я может, не буду ничего поправлять. Ошибся — ушёл.

Интерн сглотнул, кивая, собрался было что-то ещё сказать. Но Виктор уже отвернулся и шёл к двери, не дожидаясь ответа. Ему не были интересны его извинения. Парень так и остался

один в пустой операционной, неестественно застыв. Ему было бы значительно проще, накричи он на него.

***

В семь часов вечера Виктор вернулся домой. На пороге его ждал Барсик. Он снисходительно проследил за тем, как хозяин снял и протёр туфли влажной салфеткой, а затем аккуратно поставил на полку.

Пакет с покупками зашуршал, и кот ожил. С горделивой походкой направился на кухню. Его подрагивающий кончик рыжего хвоста служил маяком для хозяина, не давая тому сбиться в пути, свернув в ванную или туалет.

Рыжий хвост. Единственный яркий цвет в этой выбеленной квартире.

Виктор поставил на стол пакет и начал извлекать из него продукты под пристальным контролем кота, наблюдающего с подоконника. Пекинская капуста, помидоры, огурцы, ржаной хлеб, куриную грудку. Всё для ужина по «гарвардской тарелке» его здорового питания.

Кот оживился, увидев, как хозяин извлёк со дна несколько пакетиков с мягким кормом. Это было то, ради чего стоило ждать вечер.

Виктор погладил кота по холке и стал мыть его миску. Вскоре аромат мясного желе из пакета наполнил кухню и кот прижался к его ноге. Виктор посмотрел вниз, взял упаковку с курицей со стола и добавил кусочек грудки сверху.

Маленькая радость для кота.

Кот тут же заурчал, поглощая свой ужин. Его довольное урчание разнеслось по кухне. А Виктор тем временем принялся нарезать салат, механическими и выверенными движениями. Время от времени посматривая на плиту, где готовилась курица терияки на сковороде, и варился, лениво побулькивая, бурый рис в кастрюльке.

Всё было, как он привык. На столе стоял готовый ужин. Как положено по «гарвардской тарелке» — половина салата из овощей, четверть варёного риса и ещё четверть курицы. Для него это было не только «научными разработками в еде» и «здоровым питанием», но и составляло важный ритуал ежедневного порядка.

Когда он приступил к ужину, кот уже давно закончил и, вернувшись на подоконник, принялся с усердием вылизываться. Иногда он бросал взгляды на него, надеясь на добавку к ужину. Виктор ел больше для поддержания сил, почти не обращая внимания на ароматы и вкус.

Поужинав, сложил посуду в посудомойку, и собрался было уйти. Но он вспомнил еще об одном деле и вернулся назад к пакету. Тот зашуршал и кот, навострив уши, вопросительно посмотрел на хозяина, не вытащит ли тот чего-нибудь вкусного оттуда. Но тот извлёк коробку яблочной пастилы. Кот, с разочарованием вернулся к вылизыванию передней лапы.

Виктор открыл коробку и достал кусочек. Понюхал и отправил в рот. Плотная, липнет к зубам. На вкус сладко, даже приторно с резкой почти металлической нотой лимонной кислоты. Кусочек набух, размягчившись — вязкая однородная масса. Он долго жевал, пытаясь уловить тот вкус домашних яблок из детства, шершавыми крупинками яблок.

Он не нашел их. Их здесь не было. Всё слишком гладко и правильно. Виктор посмотрел на коробку, потом на кота. И скомкав фольгу, встал и вышел из кухни.

Глава вторая: Сбой в системе

В комнате потемнело. Из открытого окна тянуло шумом вечернего проспекта, запахом мокрого асфальта и тополиной пылью.

Виктор сидел перед телевизором в кресле. Кот Барсик уже устроился на коленях. Сытый, тёплый и тяжёлый, он дышал в такт с хозяином. В телевизоре шла неспешная драма с Андреем Мироновым. Виктор смотрел, подмечая, что актёры в этих старых фильмах с каждым годом играли всё лучше и лучше.

Почёсывая кота за ухом, он ещё несколько минут смотрел на экран. Скоро он перестал следить за актёрской игрой. Изображение расплылось, и он увидел тень яблоневых веток на бабушкином лице. Она улыбнулась и хотела что-то сказать…

Моргнул — и видение пропало.

«Что будет, то и будет. Пускай судьба рассудит…»

Миронов пел романс в телевизоре. Виктор моргнул ещё раз, возвращаясь в реальность, и потянулся за ноутбуком, решив отвлечь себя работой. Фильм теперь шёл лишь приятным фоном в этом вечере.

Кот, однако, не собирался оставаться долго на коленях, он настойчиво искал путь к груди хозяина, где можно услышать стук чужого сердца. Там было удобное место живого контакта с хозяином.

Виктор почувствовал, как в край ноутбука упёрлась голова кота. Из-за края появилось сначала рыжее ухо с выщипом, потом лапа и, наконец, рыжая довольная мордаха. Он попытался протиснуться вперёд, отодвигая ноутбук в сторону.

Виктор понимал, что кот инстинктивно искал сердце. Барсик всегда его искал. Даже когда сам Виктор делал вид, что у него нет сердца, кот находил его.

— Барсик, потерпи. Мне надо закончить дела. — Кот, получив несколько поглаживаний и почёсываний за ухом, был возвращён к стартовому плацдарму на коленях.

Руки помнили тепло и мягкость шерсти.

Кота он взял из приюта, когда суды и разговоры с бывшей женой стали невыносимы. Просто зашёл и прошёл мимо ухоженных котят, куда-то к дальним клеткам. Пока не увидел годовалого кота-подростка.

Рыжий котик плохо перенёс встречу с дворовыми собаками и сидел с несчастными глазами в бинтах. Виктор выбрал его, оплатив уход и лечение. С тех пор вот уже пять лет Барсик жил с ним, деля немногочисленные радости.

Подождав, пока кот уляжется, Виктор вернулся к работе. На экране ноутбука высветился его рабочий график. Длинный список запланированных на месяц операций, расписанный по дням и исполнителям.

Ровные, прямые, предсказуемые клетки календаря на экране… Понедельник, вторник, среда…

Значки плановых операций, консультации, обходы, его административные дела ложились в квадратики ежедневных задач.

Четверг — сложный случай, клетка окрасилась тревожно-красным. Самые сложные и важные операции он оставлял себе. Он отложил ноутбук и взял телефон, чтобы сверить оставленные заметки.

И тут увидел, что телефон так и продолжал стоять в авиарежиме.

Он смотрел на экран несколько секунд. Авиарежим. Режим полёта? Нет. Режим, в котором он жил последние годы. Режим отсутствия сигнала извне. Режим тишины.

Он выключил авиарежим. И тут же раздался резкий, непривычный для этой тишины звонок. Виктор посмотрел на экран и мысленно выдохнул: звонок был не от Марины. Звонили с незнакомого номера.

— Эээээ… это Виктор? — в трубке раздался голос мужчины в возрасте.

— Да, — недоумевая, ответил он. — А кто это?

— Я сосед твой, дядя Коля, — в голосе незнакомца появилось раздражение. — Вернее, твоей бабушки, ты пацанёнком бегал у моего двора, пока учиться не уехал.

— Ааа… — Виктор рефлекторно попытался уложить далёкое прошлое в своей голове.

Голос чужой, но такой знакомый. Из детства. Грубый прокуренный, по-стариковски дребезжащий. Он выдернул его из стерильного настоящего и швырнул в прошлое, где всё ещё пахло яблоками и прогретой солнцем землёй.

— Я тебе с утра звоню, не могу дозвониться, — сосед из далёкого прошлого вспомнил цель своего звонка. — Бабушка твоя совсем плоха, её в больницу сегодня забрали. О тебе всё говорила. Просила, если что случится, на твой номер позвонить.

Внутри шевельнулось ощущение ладони на макушке. Давно забытая часть его души проснулась — Внук прислушался к разговору.

— Что с ней? — Врач надавил на Внука и тот послушно отступил в тень.

Вопрос прозвучал сухо, по-деловому. Будто спрашивал о чужом пациенте другого врача, делая утренний обход.

— Если бы я знал, — голос на той стороне задумался. — Бабушка твоя просила тебя не беспокоить, если всё хорошо. Но Валентина, медсестра, пришла и сказала, что та совсем плоха. Тебе бы приехать. Ты один у неё остался.

— Хорошо, я буду, — выпалил Виктор, но его никто уже не слушал, трубка ответила короткими гудками.

Слово вылетело неожиданно раньше, чем Врач успел его перехватить. Внук сказал. Врач сидел и мучительно думал над способом отменить это.

Рука с телефоном опустилась на колени, и кот принялся тереться о неё щеками, думая, что вечер проходит в своём привычном темпе. Но Врач уже принялся составлять план. Он привычно расставлял задачи по клеточкам, думая в которую из них можно втиснуть полученную новость.

«Плоха — это не диагноз, нужно больше данных».

Он перезвонил на этот же телефон, но абонент оказался недоступен.

«Чёрт, — мысленно выругался он. — Похоже, у соседа то ли телефон сел, а может, деньги кончились».

Дальше последовали звонки бабушке. Стационарный, домашний — никто не ответил. Он набрал мобильный, и снова гудки шли чистыми и ровными, связь была хорошей, но трубку никто не брал.

Гудки. Ровные, один за другим, как метроном в пустой комнате.

Он отложил телефон и взглянул на ноутбук. В клеточках на завтра стояла операция, потом консилиум…

«Завтра я позвоню в приёмный покой городской больницы, — с укоризной говорил в нём Врач. — Поговорю с заведующим, получу объективные данные. И тогда приму решение. А пока нужно доделать дела. Расписание, операции, консилиум. Плановый день. Всё идёт по плану».

Голос Врача был ровным, логичным, словно привычно составленный план операции. Виктор почти поддался этим неумолимым и выверенным доводам.

Он взял ноутбук с раскрытым рабочим расписанием, начал было заполнять клеточки. Но через минуту открыл браузер и стал искать справочную Зареченска. Набрал номер справочной. После третьего гудка трубку подняли.

— Алло, — донёсся сонливый женский голос. — Слушаю.

Уже готов был к деловому разговору.

«Здравствуйте, я Виктор Сергеевич, хирург из Москвы, мне нужна информация о телефонах местной больницы…»

«Не дай мне Бог, не дай мне Бог, не дай мне Бог разлуки»

В голове всплыли слова песни. Лёд треснул.

Тёплая шершавая ладонь трёт за вихрастую макушку. Пастила — не та химозная, что на кухне, настоящая, кисло-сладкая, с корицей.

«Слушай сердце, Витюша».

Внук молча положил ладонь на плечо Врача и, отодвинув его вышел вперёд.

Виктор отложил телефон. Дрожащие пальцы сами открыли сайт РЖД.

Глава третья: Поезд в никуда

Сайт высветил на экране ноутбука расписание поездов. Москва — Зареченск. Ближайший в 23:45, прибытие в 4:20. Четыре часа в пути.

Палец Виктора завис над тачпадом. Мгновение подождал, преодолевая сопротивление, и нажал. На экране высветилось «Оплачено».

Он откинулся на спинку кресла, внутри было ощущение лопнувшей струны. Он не стал дожидаться утра, не позвонил в больницу, ни проверил слова дяди Коли. Просто взял и сорвался в ночь.

Обратного пути не было.

Воспоминание было настолько ярким, что он снова, как наяву, почувствовал бабушкину ладонь на макушке. Тёплая, чуть шершавая, пальцы треплют легонько вихры. Запах яблок. Её рука гладит щёку, вытирая слёзы.

Виктор посмотрел на часы. Двадцать два пятнадцать. До поезда лишь полтора часа.

Он резко встал с кресла. Барсик, дремавший на коленях, спрыгнул на пол и обиженно посмотрел на Виктора, потрусил следом, не отставая ни на шаг.

— Ты остаёшься, — сказал Виктор, вытаскивая чемодан. — Я на два дня. Максимум три. И вернусь.

Голос звучал твёрдо. Пальцы слегка дрожали. Рубашки, джинсы, бельё, бритва уложились в видавшем виды чемодане. Виктор пошёл за документами, а когда вернулся — замер в дверях.

Барсик лежал на сложенных рубашках. Лапы подобраны, хвост обёрнут вокруг тела. Жёлтые глаза — неподвижные, немигающие — смотрели прямо на него.

— Барсик, я серьёзно.

Он, моргнул, смотря на хозяина стоящего в дверях, затем сел, развернувшись к нему спиной. И недоверчиво дернув ухом, стал вылизывать бок.

Виктор громко выдохнул, выпроводил кота и застегнул чемодан. Потом добавил — тише, уже скорее себе:

— Через два дня.

Кот с явным недоверием к его словам зевнул.

— Не смотри так, — Виктор проверил воду и корм в автокормушке. — Немножко потерпи сухой корм. Я узнаю, как там бабушка, куплю ей всё необходимое и вернусь. Потом я тебе пир устрою.

Кот смотрел на него жёлтыми немигающими глазами. Ему показалось, что он увидел в них и обиду, понимание, и прощение.

Виктор оделся и оглянулся у входной двери на прощание. Взгляд пробежался по стенам в белых обоях, по пустым полкам, бело-серому ламинату. В груди защемило от чувства холодной тоски и одиночества. Только рыжий кот сидел посреди безжизненной прихожей, смотрел на него с укоризной и выбивался из этой стерильной белизны.

— Ладно, прости, — выдохнул Виктор. — Мне правда очень срочно надо. Я дам ключи соседке, она присмотрит за тобой.

Кот медленно моргнул. Виктор выбежал к ожидающему его внизу такси.

Город мелькал за окном машины — мокрой дорогой, миганьем светофоров и светом дорожных фонарей. Всё, к чему он привык. Всё, что он считал своим. Мелькало за окном — и вдруг стало чуждым.

Семь минут до отправления. Виктор выскочил на перрон. Нашёл глазами нужный вагон и побежал к двери, огибая мелкие лужи на чёрном асфальте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.